

**«РАССАДНИК НАСУЩНЫХ ЗНАНИЙ»
(ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК)***

В статье рассматривается деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук в Петрограде в 1918 г. Приводятся сохранившиеся в архиве заметки самого А.С. Лаппо-Данилевского, а также выписки из протокола заседания комиссии Академии наук о необходимости создания социологического института.

Ключевые слова: социология, институционализация науки, Академия наук, А.С. Лаппо-Данилевский.

Значение академика А.С. Лаппо-Данилевского (1863—1919) в истории российской социологии определяется не только его председательством в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского. Александр Сергеевич прекрасно понимал необходимость создания и системы социологического образования. На заседаниях Социологического общества делались доклады, оно даже могло бы устроить публичные лекции популярного характера, но не решало вопроса о подготовке профессиональных социологов, о систематическом преподавании социологии. С этой целью осенью 1917 г. Лаппо-Данилевский стал предпринимать шаги по организации Социологического института. В его архиве сохранилась рукописная «Записка о преподавании социологии», датированная 28 сентября 1917 г.

«Социологические проблемы, — писал он, — давно уже обратили внимание мыслителей и ученых, например, Аристотеля, Бэкона, Вико, Тюрго и других; но социология выделилась в качестве особой научной дисциплины лишь со времени Конта и его последователей. Входить в рассмотрение добытых ими результатов было бы здесь излишним. Достаточно отметить, что, несмотря на труды многих из них, социология все еще вызывает возражения; они высказываются с различных точек зрения: социально-философской, социально-научной и исторической; но эти воззрения малоубедительны. В самом деле, рассмотрение соци-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 13-03-00301.

Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета (a.v.malinov@gmail.com)

альных явлений с социально-философской точки зрения должного, а не сущего, выдвинутой, например, Штаммлером, не исключает возможности изучать их с точки зрения сущего, а не должного, положим, органической, материалистической, психологической и т. п.; взгляд на социологию, как на простую и довольно неопределенную “совокупность моральных и политических наук”, высказанный [нрзб.], страдает односторонностью, ибо не принимает во внимание основной задачи социологии, которая состоит в выяснении природы социального явления вообще, а не в компиляции “моральных” и политических знаний, обусловливаемых понятием о таком явлении; наконец, смешение социологии с историей, при наличии которой, по словам Фюстель де Куланжа, социология становится излишней, не оправдывается тем пониманием истории, в силу которого она преимущественно занимается изучением индивидуального исторического процесса. Итак, главные возражения против социологии едва ли могут подорвать ее самостоятельное научное значение.

Современное понимание ее содержания устанавливается, однако, с различных точек зрения, которые можно назвать гносеологической и феноменологической. С гносеологической точки зрения Зиммель рассуждал, например, о составляющих предмет социологии “чистых формах обобществления”. С феноменологической точки зрения многие подходили к разрешению ее проблем в разных смыслах, например: в органическом — Спенсер и Вормс; в социально-материалистическом — Маркс и Энгельс; в социально-психологическом — Тард и Дюркгейм, соответственно настаивавшие на социально-психическом взаимодействии между индивидуумами или на том принуждении социальном, под давлением которого каждый из них действует и т. п. Легко заметить также, что и по объему своему социология охватывает такие предметы, которые вполне заслуживают внимания, хотя и не входят в пределы изучения других социальных и политических наук: социология подвергает исследованию самые элементарные явления социальной жизни, например, разговор жестами, звуками или словами; простейшие социальные отношения в обществах животных и детей, а также «диких»; первобытные семейные и обрядовые учреждения с их пережитками в цивилизованных обществах и т. п.; вместе с тем социология находится в связи с этнографией и этнологией, знакомство с которыми может быть полезно и юристу, и политику. Следовательно, и по содержанию, и по объему своему социология представляется наукой, которой едва ли желательно пренебрегать при выработке систематического плана социальных и политических знаний.

Впрочем, как бы ни оценивать их, нельзя не считаться с самим фактом существования социологии: в пользу его свидетельствуют многие

учреждения и предприятия, имеющие в виду разработку социологии. Припомним, например, основание международного Социологического института в Париже и Социологического института Сольвэ в Брюсселе, а также различных Социологических обществ во Франции, Бельгии, Италии, Америке и Англии, Австрии и Германии, России и т. д.; появление социологических журналов или повременных изданий в большинстве тех же стран, преимущественно с девяностых годов прошлого века; устройство социологических конгрессов, печатающих свои труды, вроде, например, известных “Annales” международного Социологического института и т. д.; учреждение особых более или менее устойчивых кафедр социологии в университетах или других школах, например, в Бордо, Монпелье и Париже; в Брюсселе; в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне и Кэмбридже (Mass.); в Лондоне; в Генуе и Палермо и т. п.; или чтение особых социологических курсов в Берлине, Лейпциге и Киле; в Турине и Риме; в Копенгагене; в Гельсингфорсе и Петрограде и т. д. Факты подобного рода свидетельствуют в пользу развития социологии, особенно в демократических странах, и ее будущего развития.

На основании всего вышеизложенного можно придти к заключению, что преподавание социологии желательно ввести в качестве общеобразовательного курса в круг тех предметов, которые будут изучаться в “Институте социальных и политических наук”» (Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее — СПбФА РАН) Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 321: 1, 1 об., 2, 2 об.).

В черновом варианте «Записки» Лаппо-Данилевского была приведена более подробная история вопроса. Он, в частности, писал: «Наряду с таким движением, особенно заметным в демократических странах, стало складываться и другое, более близкое к политике: оно возникло под влиянием стремления подготовить широко и специально образованных общественных и политических деятелей, нужных для отправления разнообразных функций государственного управления. После франко-прусской войны Франция особенно остро почувствовала потребность в таком рассаднике знаний: по инициативе Э. Бутли в Париже была учреждена “Вольная школа политических наук”, учебный план которой был построен на прочной исторической основе и выдвигал изучение государственных и экономических наук; полагая, что все они должны преподаваться в историческом духе, основатель школы настаивал, кроме того, и на моральном значении истории: она является “школой нравственности, она учит умеренности и терпению; она питает благородные страсти; она изощряет ум видом постоянно изменяющихся фактов; она закаляет волю от соприкосновения с сильными характерами”»; вместе с тем она имеет и чисто практическое приложение в государственной жизни: она знакомит политического деятеля не с отвлеченны-

ми существами, а с реальными людьми. Впрочем, кроме общей секции, на которой история получила столь видную роль, школа предполагает и более специальный круг образования на остальных четырех ее секциях: административной и дипломатической, “экономической и финансовой”, а также “экономической и социальной”. Пример Франции вызвал подражание и соревнование других стран: помимо основанной в Париже “Вольной школы социальных наук”, с девяностых годов прошлого века аналогичные учреждения возникли, например, в Лондоне (London School of Economics and Political science), в Брюсселе (École des sciences sociales) и т. п.* В России в эпоху великих реформ также появился план, довольно сходный с тем, какой Э. Бутли осуществил со столь блестящим успехом: исходя из мысли, что “университеты — лучшие школы для политического просвещения”, Д.И. Каченовский предлагал, еще за несколько лет до Э. Бутли, образовать на наших юридических факультетах особый “административный или политический разряд”, во главе которого должны стоять “история, общественная экономика и статистика” и которое давало бы знания об “устройстве и охране общественного порядка внутренними мерами”, о финансовой или экономической деятельности и, наконец, о дипломатии; несмотря на то, что сам автор проекта ожидал “громкой пользы” от его осуществления и что он встретил сочувствие в университетских сферах, план его не был приведен в исполнение, и, взамен общедоступных отделений политических наук при университетах, продолжали действовать прежние специальные и привилегированные высшие учебные заведения, предназначенные к тому, чтобы готовить молодых людей к “важным частям службы государственной”.

До самого последнего времени, однако, собственно научное исследование социальных проблем все еще не получило достаточно прочной и независимой от учебных заведений организации. Правда, французская “Академия моральных и политических наук”, окончательно восстановленная в 1832 году, уже много сделала для их разработки, а вслед

* Само собой разумеется, что при многих университетах, в особенности германских, давно уже существуют «семинарии государственоведения», например, известный семинарий, организованный проф. Г. Шмоллером в Берлине; к ним иногда довольно близко подходят и другие учреждения подобного рода: широко поставленный проф. Лампрехтом «Seminar für Kult — und Universalgeschichte» при Лейпцигском университете, например, также включает в круг своих занятий психологию, этику, политику, народоведение, историю первобытной культуры и т. п.; но такие семинарии все же преследуют несколько иные цели, чем специальные высшие школы социальных наук. (*Прим. А. С. Лаппо-Данилевского*).

за нею появились и другие учреждения подобного рода, например, “Академия моральных и политических наук”, основанная в Мадриде при содействии испанского правительства, еще позднее — Американская “Академия политических и социальных наук” в Филадельфии и т. п.; но более организованные учреждения, специально приспособленные к производству коллективных и единоличных работ, касающихся социальных проблем, стали возникать лишь на наших глазах: в самом начале настоящего столетия, благодаря щедрому пожертвованию Э. Сольвэ, при Брюссельском университете образован был, например, особый Социологический институт, который, согласно желанию его основателя, должен, в расширенном объеме, продолжать изучать ту “связь, какая существует между экономическими факторами, получающими преобладание в эволюции народов, и фактами физиологическими и физическими, управляющим человеком и природой”, не упуская из виду, однако, содействия успешному развитию других социальных наук; почти одновременно известный институт Карнеги в Вашингтоне организовал, в своем составе, особое “отделение народного хозяйства и социологии”, в круг ведения которого входят самые разнообразные стороны экономической и социальной жизни Соединенных штатов, рассматриваемые преимущественно с исторической, а не чисто догматической точки зрения.

Таким образом, научное исследование социальных проблем начинает получать, преимущественно, благодаря частному почину, свою самостоятельную организацию, отличную от преподавания социальных наук в высших специальных школах: в настоящее время она, действительно, стоит на очереди и, в виду сложности предстоящей ей задачи, нуждается в государственной помо[щи]» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 68: 3–8.). На этом черновик обрывается.

Уже в следующем году Лаппо-Данилевский непосредственно приступил к реализации своего плана по созданию Социологического института, который помимо научных выполнял бы и образовательные функции. По поручению фактически возглавляемого им Отделения филологии и истории Академии наук была создана под его же председательством комиссия для рассмотрения вопроса об учреждении в рамках Академии наук Социологического института. Заседание комиссии состоялось в 29 мая 1918 г. На нем присутствовали Ф.И. Успенский, М.А. Дьяконов, Д.Д. Гримм, М.Я. Пергамент, И.А. Ивановский, В.М. Гессен, А.Э. Нольде и В.В. Степанов. Председательствующий Лаппо-Данилевский «доложил Комиссии записку прив.-доц. В.В. Степанова по вопросу об учреждении при Академии Наук “Института Социологии”» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 9) и огласил соответствующее постановление II отделения АН о создании настоящей комиссии.

«Председатель наметил следующий порядок рассмотрения вопроса:

- 1) Разрешение принципиального вопроса о желательности Института Социологии и о том, должно ли быть проектируемо учреждение исключительно научным или высшим учебным заведением.
- 2) Составление устава, сметы и штатов.
- 3) Вопрос о помещении.
- 4) Вопрос о библиотеке» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 9).

Затем выступил статистик В.В. Степанов. «В своей записке, думается мне, — отмечено в стенограмме заседания, — я достаточно ясно охарактеризовал задачи проектируемого Института и старался возможно полнее доказать необходимость его учреждения. Я могу лишь вновь повторить, что и создание научного учреждения, объективно изучающего вопросы общественной жизни, и организация высшего учебного заведения, имеющего специальность насаждения знаний из области государственных наук, весьма важно. Но по условиям времени на первую очередь следует поставить создание научного учреждения. Социология, экономические и государственные науки и науки права в деятельности Академии занимают весьма скромное место. Жизнь и государственные интересы требуют большого внимания и создание специального научного учреждения, работающего в области этих наук, ответит насущной потребности и скорее может найти поддержку в правящих сферах, чем организация высшего учебного заведения.

Вместе с тем я нахожу, что создание высшей школы государственных наук типа проектированного профессорами Александровского Лицея было бы и важно и также отвечало бы потребностям государства.

Я мог бы в дополнение к своей записке предложить вниманию комиссии свой проект схемы распределения наук по отделам Института, но позволю себе это сделать тогда, когда принципиальный вопрос об институте будет так или иначе разрешен» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 9—9 об.).

После В.В. Степанова выступили профессора Александровского лицея. Юрист-международник А.Е. Нольде изложил историю вопроса о преобразовании Александровского Лицея и о современном положении этого вопроса. Декан юридического факультета Высших женских курсов М.Я. Пергамент передал председателю все материалы по преобразованию Лицея, сохранившиеся у него как у председателя образованной для этого комиссии.

Профессор юридического факультета Петербургского университета и Александровского лицея В.М. Гессен отметил, что «в записке В.В. Степанова указывается, что подходящим для института Социологии зданием является здание Лицея, на которое имеется много претендентов и между прочим Микробиологический институт. Я думаю, что эта пре-

тензия не основательна, так как помещение это слишком обширно. Было бы не экономичной затратой государственных средств и состояния. Необходимо сохранить это здание для удовлетворения более широких задач. Целесообразным использованием, мне кажется, было бы отведение этого здания под учреждение, имеющее научные и учебные цели. Эти цели должны быть совмещены. Лично я думаю, что наиболее важным было бы учреждение Высшего учебного заведения типа, выработанного Советом профессоров Лицея, т. е. высшая школа государственных наук. Но надо конечно учитывать современные условия и понимания, поэтому я не возражаю против учреждения Института Социологии по форме, но по существу считал бы необходимым остаться на почве указанных предположений о реорганизации Лицея.

Выработать план для нового учреждения очень сложно, тем более, что ясности в том, какие именно науки должны входить в круг и задачи Института Социологии [нет].

Я находил бы необходимым теперь же возбудить вопрос о сохранении здания Лицея для Института Социологии, как учреждения преследующего научные цели» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 9 об.).

В ответ Лаппо-Данилевский указал: «Содержание науки социологии еще не является общепринятым. Оно не достаточно выяснено. Несомненно, что экономические науки должны составлять особую группу. Я бы считал, что в составе проектируемого научного учреждения должен быть организован особый отдел социологии, к которому были бы отнесены, например, следующие науки: антропология, антропогеография, психология, этнография, этнология, социология в узком смысле (теория и методология). В России нет такого учебного учреждения и высшего учебного заведения, где бы полностью была бы объединена вся эта группа наук» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 10).

Вслед за председателем слово взял профессор государственного права И.А. Ивановский. «В записке В.В. Степанова и его объяснении указывается на желательность организации Института Социологии, как научного учреждения и Высшей школы, подразделенных на несколько отделов. Я нахожу, что создание научного учреждения такого типа, как указывается в записке, безусловно необходимо. Мир переживает небывалые катастрофические явления. Все изменяется, все приводится в хаотическое состояние, из которого имеется в виду создать что-то новое. Установить новый порядок. Делается колоссальный социологический опыт. Если бы в задачу входило лишь обратить современное внимание на происходящее, зарегистрировать все, что возможно подвергнуть этому объективному изучению — то и это уже представляло бы широкое поле для деятельности проектируемого института и вполне оправдывало

бы его учреждение. Замечу кстати, что Юридический факультет Петроградского Университета дал поручение нескольким приват-доцентам собрать материал, относящийся к возникновению массы отдельных государств, на которые распалась Россия, а прив.-доц. В.В. Степанову поручил собрать печатный материал, относящийся к революции, имеющийся в Петрограде, и получить таковой путем письменных сношений с лицами и учреждениями. Мысль факультета была собрать этот материал в специальном кабинете.

Но даже такое, на первый взгляд важное дело, является крупинкой по сравнению с общим изменением социального строя в России.

Назревают новые изменения и в области экономической, и в области политической.

Этот колоссальный опыт, небывалый в мировой истории, не может пройти мимо внимания ученого мира.

Непререкаемая необходимость настоятельно требует озаботиться созданием такого научного учреждения, которое имело бы своей задачей наблюдение происходящего и вело бы своего рода летопись.

Работа предстоит самая сложная, но и благодарная.

Академией Наук ставятся определенные проблемы то экономического, то иного характера. Необходимо их объединить и выполнение труда возложить на одно учреждение. Поэтому я высказываюсь в пользу создания такого учреждения и именно в связи с Академией Наук.

Рядом с этими задачами могут быть поставлены и другие, почти совпадающие с первой задачей. Я говорю об учебных задачах и останавливаю внимание Комиссии на той же записке профессоров Лицея, о которой здесь уже не раз упоминалось.

В.В. Степанов в своей записке резче и ярче подчеркнул те отделы учебного плана, необходимость которых выдвигается на очередь жизнью, в перечень предметов включены все, имеющиеся в плане Высшей школы Государственных наук, прибавлены лишь некоторые предметы, как я убедился из разговоров В.В. [Степанова] со мной, предшествовавшей подачи им записки в Академию Наук.

Однако и я со своей стороны также выдвигаю на первый план создание учреждения с научными целями, в задачу которого входило бы изучение вопросов социального, экономического, политического (государственного) и правового порядка.

Надо искать пути, по которым идти дальше, какими можно устранить образовавшиеся дефекты и какими можно придти к должному порядку.

Проектируемое учреждение, по моему мнению, явится одним из рассадников насущно необходимых знаний, а в государстве, которое находится в столь неприглядном положении, как Россия, знания должны

черпаться в авторитетном объективном учреждении, каковым является Академия Наук и состоящие при ней учреждения.

Что касается названия проектируемого учреждения, то я предложил бы назвать его “Институтом Социальных Наук”» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 10–10 об.).

Следующим выступил историк академик М.А. Дьяконов: «Слушая речь В.М. Гессена, я несколько колебался и смущался вопросом о создании Института, преследующего научные и учебные цели. Мне казалось, что не было ли практичнее ходатайствовать сначала об институте, как научном учреждении, а затем уже обсуждать вопрос о высшем учебном заведении. Но теперь я нахожу возможным соединение задач, проводя последнюю задачу сначала в форме открытия различного рода курсов, а потом может быть и постоянного высшего учебного заведения».

Лучше было бы вопрос об учебном заведении не ставить в первую очередь, а лишь указать на возможность открытия при Институте Курсов. Я думаю, что в Академии решение вопроса об Институте, как научном учреждении, не встретило бы тех возражений, какие возможны в том случае, если будет идти речь и о научном учреждении и об учебном заведении.

К сказанному я должен еще дополнить, что Академия Наук, заслушав обращение Народных Комиссаров с предложением образовать Комиссию по решению целого ряда экономических вопросов, отказалась от образования этих комиссий в виду отсутствия в ее составе достаточного количества специалистов, так как она располагает только одной кафедрой по экономическим наукам. Но на это последовал ответ, что в составе Академии Наук имеется Комиссия по изучению производительных сил страны, после чего Академия вынуждена была сообщить, что государство может располагать ее содействием в пределах трудов Комиссии по изучению производительных сил России.

Так как обращения такого рода весьма разнообразны, то может быть было бы целесообразно объединить исполнение этих поручений в одном учреждении.

Это могло бы служить еще одним из мотивов к созданию проектируемого научного учреждения» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 11).

Правовед и бывший ректор Петербургского университета Д.Д. Grimm отметил, что следует различать вопрос ходатайства об институте от вопроса о признании недостаточными сил Академии, в составе которой, возможно, необходимо было установить новый разряд.

Академик-византист Ф.И. Успенский присоединился к мнению И.А. Ивановского, заметив, что более подробную программу можно было бы представить позднее.

Затем снова слово взял В.М. Гессен. «Мне кажется, — начал он, — что между двумя точками зрения не такая уже пропасть, чтобы нельзя было их согласовать. Можно поставить задачей Института изучение научных проблем и прибавить к этому чтение лекций двоякого типа:

1) Сообщения о выводах, являющихся результатом научного исследования, т. е. говорить о новых достижениях для лиц, получивших надлежащую подготовку.

2) Читать популярные лекции о состоянии той или другой отрасли знания для более широких масс слушателей.

На первых порах чтение этих лекций может не иметь характера учебного заведения, но будет служить целям распространения знаний.

В этом случае не придется заботиться о полноте и систематичности лекций, а будет выполняться весьма важная общественная работа» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 11 об.).

А.Э. Нольде указал на необходимость создания библиотеки нового научного учреждения, предложив положить в ее основу расформировываемую библиотеку министерства финансов, а также библиотеки ряда других структур. По его словам, в научном институте могли бы читаться лекции как для магистрантов, так и более популярного характера.

С мнением В.М. Гессена согласился М.Я. Пергамент, подчеркнув, что «сколько бы ни было создано учебных заведений, их все будет мало» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 11 об.), а для проектируемого института первостепенную важность имеет именно чтение популярных лекций.

Схожую мысль высказал и М.А. Дьяконов, напомнив, что «сама Академия Наук давала свой актовый зал под популярные лекции» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 11 об.). Для чтения популярных лекций И.А. Ивановский предложил привлекать не только академиков, но и русских и иностранных ученых.

Итог дискуссии подвел Лаппо-Данилевский. «Я полагаю, — констатировал он, — что вопрос достаточно выяснен и можно было бы формулировать результаты наших суждений:

1) Большинство, по-видимому, считает возможным назвать Институт — “Институтом Социальных Наук”.

2) Задачи могут быть определены таким образом: Институт учреждается для разработки социальных проблем, [в особенности тех — вписано чернилами], которые выдвигаются современной реформой и революцией.

3) Организация работ может определяться теми задачами, которые будут намечены.

4) Необходимо в составе Института создать кабинеты для отдельных групп наук.

5) Во главе каждой группы может стать один ученый, который ведаёт делами группы.

6) Необходимо устройство кабинетов, напр[имер] этнографии, статистики и т. д.

7) Существующие имеющие быть образованными при Академии Наук Комиссии для пользы дела могут быть связаны хотя бы помещением с проектируемым Институтом.

8) В Институте могли бы вестись занятия с магистрантами и с лицами, серьезно работающими в той или иной научной области.

9) Желательно объединение в смысле помещения с Институтом Социальных Наук различных ученых обществ, соответствующих по своим задачам с задачами Института.

10) Желательно принять меры к обеспечению книгами библиотеки проектируемого Института.

11) Желательно устраивать при Институте Курсы для более подготовленных слушателей, на которых сообщались бы сведения о результатах работ лиц, работающих в Институте и популярные для более широкого круга слушателей, приглашая для чтения лекций русских и иностранных ученых.

12) Организацию Высшего Учебного заведения признать возможной в будущем, но не непосредственно при Академии, а при Институте Социальных Наук» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 11 об.—12).

В решении комиссии особо подчеркивалось, что при выработке устава Института следует иметь в виду пункт об организации курсов, лекций, сообщений и т. д. Комиссия также предложила выступить с ходатайством о предоставлении для Института социальных наук здания Александровского лицея.

В составе Института было решено сформировать четыре отдела, организацию которых и составление программы их деятельности возложить на И.А. Ивановского и В.М. Гессена (отдел Государственных наук), М.Я. Пергамента (отдел Права), в отдел Социологии пригласить Н.И. Кареева.

Составление записки об учреждении Института социальных наук для заседания Академии наук 5 июня 1918 г. было поручено Лаппо-Данилевскому, А.Э. Нольде и В.В. Степанову.

Записка «Об Институте Социальных Наук», подготовленная Комиссией, была зачитана Лаппо-Данилевским 5 (18) июня 1918 г. на экстренном общем собрании Российской Академии наук и опубликована в «Протоколах заседаний общего собрания Российской академии наук» (Об Институте Социальных Наук... 1918: 108—110). В конце записки указаны имена председателя комиссии А.С. Лаппо-Данилевского и секретаря А.Э. Нольде.

«Для А.С. Лаппо-Данилевского, — считает Е.А. Ростовцев, — реализация идеи организации Института социальных наук была важна не только для решения задачи сохранения российской научной культуры в годы потрясений, но и потому, что давала возможность утверждать его методологические идеи. Однако, как заметил С.Ф. Ольденбург, предложение А.С. Лаппо-Данилевского не было поддержано “комиссариатом”» (Ростовцев 2004: 198). В протоколе общего собрания Академии наук отмечалось, что Непременный Секретарь «во исполнение постановления Отделения ИФ (IX 225) ... лично выяснял в Совете Народных Комиссаров вопрос о возможности создания Института Социальных наук, но что пока никакого определенного ответа он не получил» (Протоколы... 1919: 91).

Литература

Об Институте Социальных Наук. Записка Комиссии Российской Академии Наук // III-е приложение к протоколу заседания IX экстраординарного Общего Собрания Российской Академии Наук 18 (5) июня 1918 года (к § 138).

Протоколы заседаний общего собрания Российской Академии наук за 1918 г. Пг., 1919.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИ, 2004.